МАПРЯЛ РОПРЯЛ ИРЯ РАН МГУ СПбГУ ИРО

IX МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

РУССКАЯ ГРАММАТИКА:

полипарадигмальность как методологический принцип современных научных исследований

23 – 27 сентября 2025 г.
г. Иркутск

ISBN 978-5-9624-2432-3

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации

РУССКАЯ ГРАММАТИКА: ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНОСТЬ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Материалы
IX Международного научного симпозиума,
Иркутск, 23–27 сентября 2025 г.

ИРКУТСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИГУ
2025

УДК 811.161.1'36
ББК Ш141.12-2
Р89

Публикуется по решению ученого совет ИФИЯМ ИГУ

Под общей редакцией:
доктора филологических наук *Л. И. Горбуновой*
кандидат филологических наук *Э. Е. Бурова*

Р89 **Русская** грамматика: полипарадигмальность как методологический принцип современных научных исследований : материалы IX Международного научного симпозиума. Иркутск, 23–27 сентября 2025 г. / под общ. ред. Л. И. Горбуновой, Э. Е. Бурова. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2025. – 1 электронный оптический диск (CD-ROM). – Заглавие с этикетки диска.

https://doi.org/10.26516/978-5-9624-2432-3.2025.1-600
ISBN 978-5-9624-2432-3

В материалах представлены традиционные и современные подходы к изучению грамматики русского языка, в том числе грамматика дискурса и художественного текста, сопоставительно-типологический, когнитивный аспект исследований, цифровые методы описания грамматики.

Адресуется лингвистам, преподавателям русского языка как родного и иностранного.

УДК 811.161.1'36
ББК Ш141.12-2

ISBN 978-5-9624-2432-3
© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2025

Кувшинская Ю. М. Развитие независимого употребления предложений с союзами *хотя* и *потому что*: функция дополнительного сообщения 201
Кузнецов И. А. Вопросительные предложения в ответной реплике: грамматика и прагматика фатических диалогов в русской речи 208
Кузнецова Л. В., Иванова Е. В. Политический дискурс парламентсих дебатов: лексико-грамматический аспект 213
Ли Юэчуань. Дискурсивный маркер *надо сказать* как усилитель иллокутивной силы ассертива при информационном противоречии 219
Петренко Е. А., Першина Е. С. Дискурсивные и текстовые функции частиц в «Слове о законе и благодати» Илариона Киевского 222
Попова Т. И., Иголкина А. Е. *Хочешь не хочешь, а надо*: проблема определения инвариантных структур устойчивых неоднословных единиц 229
Северская О. И. Клише в сфере осмотров, лечения и процедур: медицинские термины, терминоиды, сленгизмы 235
Серебренникова Е. Ф. Грамматика дискурса: операции высказывания 240
Стексова Т. И., Шмелева Т. В. Сложные предложения метадискурсивной семантики 246
Федотова Н. Л., Щербакова В. А. Семантические особенности простых предложений в коммерческой печатной и телевизионной рекламе..... 250
Чекмез У. Э. Совместные построения в устном диалогическом дискурсе: конструктивные и коммуникативные особенности..... 255
Шавалиева Е. Б. Грамматика разговорного метадискурса: синтаксический уровень..... 261
Шклярук Е. Я. Образование маркеров-ксенопоказателей в современной русской речи: пути прагматикализации..... 265

СЕКЦИЯ 3
ГРАММАТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Кирина М. А. Грамматический ландшафт художественной прозы: динамика частеречных распределений в русском рассказе XX века 270
Крюкова Л. Б. Синестетические сочетания в поэзии символистов: дискурсивный и грамматический аспекты 275
Куницына Е. Ю. Феноменология художественного перевода в зеркале морфологии: русские уменьшительные суффиксы как единицы перевода 281
Купчик Е. В. Генитивные метафоры в поэтических текстах А. Городницкого: мир природы 291
Левина И. Н. Изъяснительные сложноподчиненные предложения в ракурсе синтаксического описания идиостиля. (К языковой личности М. Айзенберга)..... 296

Мамедов А. А. Местоимение *ты* в лирике С. А. Есенина: референция и роль в создании художественного мира 303
Мартьянова И. А. Синтаксическое своеобразие современной русской прозы 308
Милянчук Н. С., Пугачева Е. Н. Панорамность пейзажа во владивостокском тексте: коммуникативно-грамматический аспект 312
Николина Н. А., Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Нестандартные предикативы в русской художественной речи: семантика и употребление 319
Патроева Н. В. Интродуктивные предложения с бытийным глаголом в роли лирических зачинов 324
Рябова С. Г. Грамматические конструкции с компонентом *ржавчина* в художественном тексте: узуальное и индивидуальное 328
Стрельникова Н. Д. Словообразовательные модели в прозе Евгении Некрасовой 336
Трофимова О. В., Фитина Ю. С. Синтаксические формы чужой речи в романе А. Г. Битова «Пушкинский дом» 343
Шестакова Л. Л., Кулева А. С. Грамматическая характеристика лексики в сводном словаре поэтического языка 347

СЕКЦИЯ 4
«МАЛЕНЬКИЕ СЛОВА» НА СЛУЖБЕ У ГРАММАТИКИ

Аксарина Н. А., Басова Л. В. Семантизация и семантический потенциал предлога *в аспекте* в русском языке XX–XXI веков 352
Аладышкин В. А. Корпусный анализ особенностей предикативного согласования слов с количественной семантикой 359
Бертякова А. Н. Деархаизация предлога *меж* в современном дискурсе 365
Богданова-Бегларян Н. В. Грамматическая «предыстория» прагматических маркеров русской повседневной речи 370
Кузнецова Н. В., Почтарёва О. В. «Так-то да, а так – нет»: к описанию коннектора *а так / так-то…а* 380
Лаптева М. Л. Тенденции в употреблении предлогов: ошибка, креатив или норма современной речи 386
Матханова И. П. Местоименные наречия с семантикой неопределенной цели: опыт характеристики периферийных элементов 392
Мишанкина Н. А. Формат/неформат: функциональный аспект 397
Семенова Т. И., Тюрнева Т. В. Модальные глаголы vs вводные слова как средства выражения эпистемического статуса в русских и английских медиатекстах 401
Токарчук И. Н. Частица *буквально*: конструктивно-синтаксический аспект 405

Бабенко Н. Г. Язык и поэтика русской прозы в эпоху постмодерна. М. : Либроком, 2019.
Ильенко С. Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. СПб. : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2009.
Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М. : Аграф, 1997.

I. A. Martianova, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg)

SYNTACTIC ORIGINALITY OF MODERN RUSSIAN PROSE

Abstract. The appeal to the syntactic originality of modern Russian prose is motivated by the lack of a grammatical approach to new linguistic phenomena, the obvious gap between cultural, literary and linguistic studies. The article examines the functioning of syntactic units in Russian prose of the late XX – early XXI centuries, as well as the punctuation and graphic arrangement of utterances and texts. Special attention is paid to the multicomponent complex utterance as an indicator of the style of modern prose writers. Actual syntactic processes are analyzed in linguistic, speech and textual aspects, which makes it possible to interpret the features of the styles of a number of authors (E. Vodolazkin, O. Kuchkina, V. Pelevin, L. Petrushevskaya, D. Rubina, T. Tolstaya, V. Makanin, V. Tuchkov, A. Matveeva). In the linguistic aspect, some changes in the sphere of complex sentences are described. In the speech aspect, the influence of the oral-conversational element and visualization trends on the literary norm, the interaction of monologue and dialogic speech are considered. The role of modern Russian prose in the formation of new syntactic phenomena is emphasized in the textual aspect.

Keywords: syntax, text, style, modern Russian prose, punctuation and graphic arrangement.

Н. С. Милянчук, кандидат филологических наук
Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
Е. Н. Пугачева
Владивостокский государственный университет, г. Владивосток

ПАНОРАМНОСТЬ ПЕЙЗАЖА ВО ВЛАДИВОСТОКСКОМ ТЕКСТЕ: КОММУНИКАТИВНО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье уточняется понятие владивостокского текста, обосновывается категория семантической доминанты как одного из содержательных признаков локального сверхтекста, играющих ключевую роль в формировании его самобытного содержания и способных выполнять дифференцирующе-идентифицирующую функцию при определении его топосной принадлежности. В качестве одной из семантических доминант владивостокского текста выдвигается панорамность изображения городского пространства, рассматривается языковая репрезентация данной категории. Анализ выполнен в русле теории коммуникативной грамматики на материале текстов одного из ярких представителей русской литературы дальневосточной эмиграции М. В. Щербакова. Выявляются и систематизируются лексические и грамматические средства создания изобразительного эффекта общего плана в рамках репродуктивного коммуникативного регистра. Демонстрируется коммуникативно-грамматический анализ одного из пейзажных фрагментов, типичных для владивостокского текста и отражающих его своеобразие.

Ключевые слова: грамматика локального сверхтекста, владивостокский текст, семантическая доминанта, панорамность изображения, пейзаж, репродуктивный регистр, общий план изображения.

Характерной тенденцией современной гуманитаристики является усиление внимания к историко-культурной ценности отдельных регионов, «нестоличных» территорий, в том числе весьма отдаленных от центра России. В филологической науке это выразилось в становлении особого направления, охватывающего разноаспектные исследования локальных текстов – текстов, содержательная и эстетическая значимость которых определяется привязанностью к конкретной географической точке: городу, местности, краю, региону. Частным примером такого текста можно считать владивостокский текст, под которым мы понимаем не любой текст о Владивостоке, а текст (или тематически связанную совокупность текстов – сверхтекст [Меднис, 2003]), имеющий специфическую семантическую и коммуникативно-грамматическую структуру, которая отражает характерные черты Владивостока как ментально освоенного, культурно обусловленного пространства. Как и любой локальный текст, владивостокский текст обладает комплексом признаков, который отличает его от других локальных текстов. Мы рассматриваем эти признаки как семантические доминанты текста – элементы содержательной структуры, которые системно реализуются разноуровневыми языковыми единицами на всем пространстве текста и играют ключевую роль в формировании его концептуального содержания.

Одной из семантических доминант владивостокского текста является панорамность изображения. Анализ реализации этой доминанты был проведен на материале произведений одного из выдающихся представителей русской литературы дальневосточной эмиграции Михаила Васильевича Щербакова (1890–1956) – автора ряда художественных и публицистических текстов о Владивостоке, воплотивших яркий и самобытный образ этого уникального города [Щербаков, 2011].

Панорамность изображения в текстах о Владивостоке проявляется в том, что городское пространство, как правило, представлено в них масштабно – как вид, открывающийся субъекту повествования, когда он находится в точке, возвышающейся над наблюдаемым / изображаемым. Ср. словарное толкование лексемы *панорама* ‘широкий вид какой-л. местности, открывающийся с высоты, с возвышенности’ [Большой толковый словарь русского языка, 1998]. В качестве текстового сигнала такой точки обзора может выступать лексема, обозначающая природный объект, с актуальной или потенциальной семой ‘высота’– *сопка, обрыв, перевал, взгорье, край ската*, *берег* (*А выйдешь за калитку – и в двух шагах уже* ***морской берег*** *в густых травах и кровавом шиповнике по топкому песку,* ***откуда виден*** *темный* ***мыс, густо посыпанный мелкими дачными огоньками, видна гористая даль по ту сторону залива, над которой*** *еще долго после заката* ***не тухнет под тяжелыми тучами*** *огненно-лиловая* ***заревая щель*** [Щербаков, 2011, с. 245]) – или указание на объект, специально созданный людьми для обзора (*У недавно отстроенного собора он пересек мостовую и свернул с тротуара влево, на* ***посыпанную***

***желтым песочком площадку, вознесенную высоко над бухтой**, где на граните памятника адмиралу Невельскому, под российским черным орлом, распростершим крылья, горделиво значилось золотом: «Где раз поднят русский флаг, он уже опускаться не должен!»* [Щербаков, 2011, с. 180]).

Во владивостокском тексте панорамность является характерной чертой городского пейзажа, который представляет активное взаимодействие цивилизации и природы. Рассматривая коммуникативно-синтаксическую природу элементов структуры художественного произведения, М. Ю. Сидорова относит пейзаж к репродуктивно-описательному виду текстов (наряду с интерьером, портретом, описанием предмета) и считает, что пейзаж в описательной разновидности репродуктивного регистра «непременно оказывается "видом", "видимым" субъектом-перцептором, организованным относительно его наблюдательного пункта, неподвижного или перемещающегося, модифицированного возможным "поднятием" ракурса над человеческим измерением и эффектами восприятия» [Сидорова, 2000, с. 248].

В пространстве художественного текста функционирование репродуктивного регистра заключается в «воспроизведении, репродуцировании средствами языка фрагментов, картин, событий действительности как непосредственно воспринимаемых органами чувств говорящего, наблюдателя, локализованных в едином с ним хронотопе (реально или в воображении)» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004, с. 402–403].

Коммуникативно-грамматические особенности литературного пейзажа заключаются в его окрашенности эмоцией субъекта-перцептора, пейзаж «перемежается его мыслями» [Сидорова, 2000, с. 46], «ставится /…/ в ментально-перцептивную модусную рамку» [Сидорова, 2000, с. 47]. С позицией субъекта-перцептора (наблюдателя) связано изменение величины пространственных планов: общего плана на крупный план и обратно. Под общим планом в данном случае подразумевается такое изображение, в котором содержатся признаки того, что наблюдатель находится на большом расстоянии от «наблюдаемого пространства», а под крупным – изображение близко расположенного к наблюдателю объекта. Смена планов в тексте фактически представляет собой изменение расстояния между наблюдателем и наблюдаемым и сопровождается переходом «физически зримого пространства в умозрительное, передачей зрительных и слуховых эффектов, связанных с расстоянием до наблюдаемого предмета» [Сидорова, 2000, с. 47]. Именно фигура наблюдателя обеспечивает единство репродуктивно-описательного фрагмента и его связь с событийной линией.

Очевидно, что именно «общий план» соотносится с панорамностью пейзажного изображения. Анализ нашего материала показал, что эффект общего плана изображения создается за счет реализации двух параметров:
ространственное расположение наблюдателя по отношению к наблюдаемому: в отличие от крупного плана, когда наблюдатель находится в непо-

средственной близости к объекту наблюдения, общий план характеризуется тем, что наблюдатель находится, во-первых, на большом расстоянии от объекта наблюдения и, во-вторых, на возвышении;

2) количество объектов, попадающих в поле зрения наблюдателя: при крупном плане изображения наблюдатель и читатель «видят» один объект, тогда как при общем – в поле зрения попадает множество объектов.

В качестве вербальных показателей того, что наблюдатель находится на большом расстоянии от наблюдаемого, могут выступать следующие языковые средства:

1) названия крупных элементов ландшафта, которые целиком могут обозреваться только с определенного расстояния: *бухта, залив, лагуна, мыс, сопки, скалы, остров, дамба* и др.;

2) лексема *даль* и ее словообразовательные дериваты: *даль, вдали, далекий, далеко*;

3) лексические средства, включающие сему ‘обширное видимое пространство’: *горизонт, простор, пространство*;

4) лексические показатели расположения на расстоянии: ***противоположный*** *берег;* ***стоящий на отлете*** *домик*;

5) местоименные единицы, указывающие на удаленность от говорящего: *по ту сторону залива; там дымил «Сторож»; там цвета скользят; там пылала заревая щель; тот берег.*

О том, что наблюдатель находится на возвышении, сигнализируют такие единицы, как

оминации объектов, выделяющихся из окружающего пространства высотой, которые представляют точку обзора: *сопка, обрыв, перевал, взгорье, край ската, берег, склон, дамба*;

ексика с семой ‘высота’: *вверху; внизу; возвышаясь; высоко*;

окативные предложно-падежные конструкции, представляющие расположение наблюдаемых объектов относительно друг друга, которое можно зафиксировать только с высоты: ***по*** *всему чернильному* ***простору Золотого Рога подмигивали – переговаривались*** *огоньки фонарей;* ***выходившей*** *окнами* ***в просторы*** *бухты; высоко* ***торчавший над городом дом****;* ***замкнутый в горном кольце город****;* ***дубняк по*** *плешистым* ***скалам*** и под.;

онструкции с пространственными наречиями и наречными сочетаниями: *там,* ***вверху*** *и между геометрическими утесами домов, пылала заревая щель;* ***напротив****, у Чуркина мыса, скользила яхточка; по немощеной улочке,* ***глубоко*** *вынутой в горе,* – среди которых особую роль в создании эффекта панорамности пейзажа играют наречные единицы со значением полного охвата обозреваемого пространства: ***кругом*** *по сопкам различались пятна бетонных фортов*;

окативные конструкции с прилагательными, также указывающими на широкий охват обозреваемого пространства: *по всем* ***окрестным*** *складам и фортам; по тем* ***окрестным*** *сопкам;*

араллельные синтаксические конструкции, подчеркивающие композицию

наблюдаемого: ***Слева*** *полого* ***вытянулся Чуркин мыс*** *с детскими кирпичиками домиков и дубняком по плешистым скалам;* ***справа – мыс Басаргин запустил*** *в океан свою голую, обглоданную солеными ветрами лапу; в двух шагах уже морской берег /…/, откуда* ***виден темный мыс,*** *густо посыпанный мелкими дачными огоньками,* ***видна гористая даль*** *по ту сторону залива* – в зафиксированных примерах параллелизм поддерживается лексическим повтором;

лаголы движения, отражающие динамику взаимодействия элементов ландшафта: *скользила, наклоняясь к воде, яхточка; тянул через залив туман, наполнив бухту; переливался через парапеты; несся к закату по улице; свиваясь и развиваясь в водовороты; выперли пасхами, куличами, шишами; потянулись с юга на морскую лагуну; просторно расстилался рейд*;

8) деминутивные словообразовательные дериваты номинаций элементов ландшафта: *городок, яхточка, домики, огоньки, маячок, улочка*, – которые, указывая на уменьшение размеров объекта, как бы отдаляют его от наблюдателя, точнее, сигнализируют о том, что объект наблюдается с высоты;

етафорические номинации, указывающие на маленький размер наблюдаемых объектов: ***игрушечные*** *домики;* ***детские кирпичики*** *домиков;* ***кубики*** *домиков; бело-****сахарный*** *маячок; геометрические утесы домов; вдавшаяся серпом дамба; тянул на веревочке* и др.;

етафорические номинации, создающие эффект «вид сверху» за счет указаний на визуальные параметры наблюдаемых объектов, например, их геометрическую форму, внушительные размеры, обилие мелких деталей: *вдавшаяся в море тонким серпом дамба; конические сопки, посыпанные белыми кубиками домиков; пятна фортов*; *туши военных кораблей; кружевные краны; геометрические утесы домов; лес голых мачт; зубастые вершины сопок; лежит мшистым пирогом; городок, прилипший ласточкиными гнездами к обрывам сопок; тонкая нитка Токаревской кошки; замкнут в горном кольце*.

Реализация такого параметра общего плана изображения, как множество предметов в поле зрения наблюдателя, осуществляется с помощью регулярного употребления следующих языковых средств:

рамматических форм множественного числа: *сопки, форты*, *военные корабли, краны*, *стены длинных казарм*, *тучи, причалы и пристани, мачты парусников, обрывы сопок, утесы*, *вершины* и мн. др., например,

24-го октября мы в последний раз видели его ***конические сопки, посыпанные белыми кубиками домиков,*** *и вдавшуюся в море тонким серпом дамбу Токаревского маяка* [Щербаков, 2011, с. 330];

Кругом по ***желтым срывистым сопкам*** *смутно* ***различались пятна бетонных фортов*** [Щербаков, 2011, с. 180];

ексические показатели множественности: ***многочисленные*** *причалы и пристани*; ***масса*** (о людях), например,

Мы подошли к пристани Подножья и через полчаса увидели ползущее с горы по дороге облако пыли, сквозь которое ***серела грязная масса солдатских шинелей и полушубков*** [Щербаков, 2011, с. 325];

интаксическая конструкция ряд, представляющая перечень объектов, находящихся в поле зрения наблюдателя: ***на*** *подъездных* ***путях***, ***на*** *прилегавших* ***улицах***, ***в*** *товарных* ***вагонах***, ***на*** *самых* ***пристанях*** *– всюду, всюду кишмя кишела лохматая казачья толпа*;

естоименные единицы, указывающие на широкий охват обозреваемых объектов: ***всё*** *это вырастало; над* ***всем*** *городом; над* ***всем*** *Амурским заливом; по* ***всему*** *чернильному простору; по* ***ту*** *сторону залива; по* ***тем*** *окрестным сопкам* и под.

Все выделенные параметры активно взаимодействуют в текстовом пространстве, придавая пейзажному изображению семантическую и коммуникативно-прагматическую цельность. Продемонстрируем это на примере анализа панорамного пейзажа Владивостока из рассказа М. Щербакова «Кадет Сева»:

Вы бывали во Владивостоке? Помните, как он замкнут в горном кольце, этот странный, не русский город?

Слева полого вытянулся Чуркин мыс с детскими кирпичиками домиков и дубняком по плешистым скалам; справа – мыс Басаргин запустил в океан свою голую, обглоданную солеными ветрами лапу, из которой выплыл далеко в море бело-сахарный маячок на тонкой изогнутой нитке Токаревской кошки: ветер с берега, вот его и отнесло.

А в самом замке кольца лежит мшистым зеленым пирогом Русский Остров. Владивосток желт и сер, а остров совсем зеленый. Внутри же всего круга Золотой Рог, глубокая бухта. Там уже все цвета радуги скользят, играют, плещутся и затухают на воде.

И в этот городок, прилипший ласточкиными гнездами к обрывам сопок, которые выперли то пасхами, то куличами, то просто шишами какими-то, – сколько людей, сколько пламенных надежд лилось в него в двадцатых годах из агонизировавшей России, из ощетинившейся зеленохвойной Сибири, из благодатного Крыма, с Кавказа, из Туркестана, через волнистые барханы Гоби, через жженые Монгольские степи и даже окружным путем – по морщинистым лазурным зеркалам тропических морей!.. [Щербаков, 2011, с. 243].

В приведенном фрагменте панорамность достигается, во-первых, указанием на наличие крупных ландшафтных объектов (*горное кольцо, мыс, скалы, океан, остров, обрывы сопок*), которые можно увидеть целиком только находясь на определенном расстоянии от наблюдаемого, и во-вторых, указанием на наличие множества более мелких объектов (*маячок, кирпичики домиков, ласточкины гнезда* – о домах), что создает эффект «вид с высоты». Эффект наблюдаемой панорамы усилен метафорами *лежит в замке кольца; замкнут в горном кольце.* Ощущение масштабности наблюдаемого пространства достигается употреблением конструкций с

пространственными наречиями (*внутри, там*) и метафор *запустил в океан голую, обглоданную ветрами лапу; лежит мшистым зеленым пирогом*, которые усиливают визуальный эффект и позволяют автору воссоздать в воображении читателя панораму города на берегу моря. Композиционную цельность изображению придает синтаксический параллелизм: *слева полого вытянулся Чуркин мыс; справа – мыс Басаргин запустил в океан свою лапу*. Глаголы движения *вытянулся, запустил, выплыл, скользят, играют, плещутся*, используемые автором, как будто раздвигают границы изображаемого и создают эффект обширности наблюдаемого пространства. Местоимение *весь* в составе конструкции *внутри же всего круга Золотой Рог* указывает на широкий охват обозреваемых объектов. Метафорические выражения *детские кирпичики домиков* и *бело-сахарный маячок* с участием деминутивов визуально уменьшают наблюдаемые объекты в размерах («дома как игрушечные», «маяк как кусочек сахара»), как бы отдаляя их от наблюдателя. Эффект общего плана, охватывающего множество наблюдаемых объектов, создается за счет активности грамматических форм множественного числа (*детские кирпичики домиков; плешистые скалы*) и с помощью синтаксической конструкции ряд: *обрывам сопок, которые выперли то пасхами, то куличами, то просто шишами*. Глагольный ряд *все цвета радуги скользят, играют, плещутся и затухают на воде* создает ощущение эстетического удовольствия от созерцания морской глади Золотого Рога.

Таким образом за счет целенаправленного использования разноуровневых языковых средств в тексте воссоздается панорамное изображение города, которое отражает не только объективные особенности его ландшафта, но и своеобразие эмоционально-психологического восприятия окружающего пространства.

Литература

Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 1998.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.

Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2003.

Сидорова М. Ю. Грамматика художественного текста. М. : Центр М, 2000.

Щербаков М. В. Одиссеи без Итаки. Повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы / сост., комм. и вступит. ст. А. Колесова. Владивосток : Рубеж, 2011.

N. S. Milianchuk, Candidate of Philology (Vladivostok)
E. N. Pugacheva (Vladivostok)

PANORAMIC LANDSCAPE IN THE VLADIVOSTOK TEXT: COMMUNICATIVE-GRAMMATICAL ASPECT

Abstract. The article specifies the concept of the Vladivostok text, substantiates the category of semantic dominant as one of the substantive features of the local supertext, playing a key role in the formation of its original content and capable of performing a differentiating and identifying func-